

УДК 1(091)

И.В. Дёмин

Самарский национальный исследовательский университет
им. академика С.П. Королева

ПРАКТИЧЕСКИЙ И ИСТОРИЧЕСКИЙ СПОСОБЫ СООТНЕСЕННОСТИ ЧЕЛОВЕКА С ПРОШЛЫМ В ФИЛОСОФСКОЙ КОНЦЕПЦИИ МАЙКЛА ОУКШОТТА

Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ,
проект № 15-13-63002 «Философия истории в контексте постметафизического мышления»
(Региональный конкурс «Волжские земли в истории и культуре России» 2015 года)

В статье анализируется философско-историческая концепция Майкла Оукшотта. Подробно рассматривается вопрос о соотношении исторического, практического, созерцательно-эстетического и научного способов понимания прошлого. Особое внимание уделяется прояснению места концепции Оукшотта в контексте неклассической философии истории и теории историописания XX в. Позиция Оукшотта может рассматриваться в качестве продуктивной альтернативы как прагматической, так и эстетической интерпретациям исторического опыта и историописания. Выявляются некоторые противоречия в предложенной Оукшоттом трактовке историописания и исторического познания. Показано, что описание деятельности историка и исторического отношения к прошлому у Оукшотта носит по преимуществу апофатический характер. Новизна трактовки историописания в концепции Оукшотта заключается в том, что история рассматривается в качестве особого вида опыта, несводимого ни к практической деятельности, ни к эстетическому созерцанию.

История, историописание, исторический опыт, историческое познание, методология истории, философия истории, Майкл Оукшотт.

Майкл Оукшотт известен главным образом как политический философ и теоретик консерватизма [10]. Не меньший интерес, однако, представляет его философско-историческая концепция, которую можно поставить в один ряд с наиболее значительными теориями историописания XX в.

Впервые к проблеме исторического опыта и историописания Оукшотт обращается в работе «Опыт и его формы» [19]. История, наряду с наукой (естествознанием), понимается здесь в качестве одной из форм опыта, причем опыт у Оукшотта не противопоставляется мышлению, опыт включает в себя мысль. История представляет собой такую форму опыта и форму мысли, в которой все сущее рассматривается «с точки зрения прошлого». Оукшотт проводит принципиальное различие между «историческим» и «прагматическим» (неисторическим) прошлым. Это различие станет центральным в статье «Деятельность историка» (1955).

В центре внимания Оукшотта – вопрос о характере деятельности историка как носителя специфически исторического отношения к прошлому. В работе «Деятельность историка» история рассматривается в качестве специфического вида познания, который «возникает из общего и неспециализированного интереса к прошлому» [14, с. 131]. Такая трактовка истории предполагает, что не всякие утверждения о прошлом являются историческими утверждениями, и не

всякий, кто высказывает нечто о прошлом, является историком. Английский философ стремится показать, что историописание не сводимо ни к практической деятельности, ни к эстетическому созерцанию, ни к научному познанию, иными словами, он обосновывает автономный характер историописания.

Историк, согласно Оукшотту, есть тот, кто движим именно историческим (а не практическим, эстетическим или научным) интересом к прошлому. В выявлении специфики исторического отношения к прошлому заключается главная задача философии и методологии истории.

Обобщая опыт, накопленный в области методологии и теории исторического познания, Оукшотт отмечает специфические особенности деятельности историка [13]. Первая особенность заключается в том, что историк, в отличие, например, от исторического романиста, стремится *верифицировать* свои утверждения. Это, однако, не единственная и не главная особенность исторического отношения к прошлому.

Другая значимая характеристика историописания может быть сформулирована следующим образом: историк занимается не тем, что *могло бы* произойти, но тем, что *действительно произошло*. Наконец, третья особенность заключается в том, что историк занимается описанием и изучением лишь тех событий, которые являются результатом осознанной человеческой деятельности. Отталкиваясь от этих исходных

положений, открытых немецкой исторической школой, Кроче, Коллингвудом и другими теоретиками историописания, Оукшотт ставит задачу «отличить особое “историческое” отношение к прошлому от других существующих или возможных отношений и, таким образом, более точно охарактеризовать специфику исторического познания» [14, с. 131].

Оукшотт рассматривает изучение прошлого в качестве одного из проявлений целостного отношения субъекта к окружающему миру. Помимо исторического, он выделяет также практический, научный и эстетический способы соотнесенности человека с миром. Историописание, научное познание, эстетическое созерцания и практическая деятельность предстают в качестве различных способов человеческого существования, каждый из которых раскрывает мир в особом, специфическом ракурсе.

Суть «практической» установки в том, что все происходящее осознается «в его связи с нами, нашими желаниями, действиями или надеждами» [14, с. 133]. Такой способ миропонимания является для человека исходным и первичным, «мы с трудом освобождаемся от него и легко к нему возвращаемся» [14, с. 133].

«Научный» способ соотнесенности с миром предполагает, что «мы рассматриваем события не в их отношении к нам <...>, а как независимые от нас» [14, с. 134]. Оукшотт отмечает, что и в практической, и в научной реакциях мир предстает как «мир фактов» [14, с. 135].

Созерцательная позиция, в отличие от практической и научной, не вызывает стремления к исследованию и не провоцирует размышления о причинах и условиях возникновения тех или иных явлений.

Что есть прошлое?

Оукшотт стремится извлечь все выводы из тезиса о том, что прошлое представляет собой *отсутствующую* реальность. Прошлое всегда открывается нам в контексте *настоящего*, и это «открытие» прошлого осуществляется не иначе, как посредством интерпретации тех или иных артефактов (исторических источников), существующих, опять-таки, в настоящем: «Прошлое, каким бы образом оно ни появилось, есть определенная разновидность прочтения настоящего» [14, с. 138]. «“Прошлое”, – пишет Оукшотт, – есть некоторая конструкция, которую мы создаем из событий, происходящих у нас на глазах» [14, с. 135]. Такая трактовка исторической реальности может показаться радикально презентистской и конструктивистской [6, с. 137], однако, это обманчивое впечатление. Оукшотт, в отличие от представителей нарративной философии истории (Х. Уайт [21], П. Вен [3]), стремится обосновать сущностную *инаковость* прошлого по сравнению с настоящим и утвердить автономию историописания, его независимость от лингвистических и идеологических структур, определяющих социальное бытие субъекта.

Прошлое как *историческое* прошлое всякий раз открывается в определенном модусе интерпретации, благодаря специфической установке сознания: «Так же, как “будущее” появляется в результате понимания событий настоящего в качестве свидетельств того, что

еще только готовится появиться, “прошлое” появляется благодаря истолкованию текущих событий как свидетельств того, что уже произошло» [14, с. 136]. То, что *есть теперь* в настоящем (источники, артефакты культуры), истолковывается в качестве свидетельства того, что *было, уже произошло, завершилось*. Презумпция восприятия артефакта в качестве *исторического источника* – вот конститутивная черта специфически исторического способа соотнесенности с прошлым.

Прошлое как *историческое* прошлое открывается лишь в контексте *определенного понимания настоящего*. Настоящее здесь интерпретируется в качестве *знака прошлого*. События и явления настоящего с *самого начала* понимаются как *свидетельства прошедших событий*. Такая установка сознания и такой способ интерпретации наличных артефактов делают возможным историописание как таковое.

Всякий артефакт культуры (будь то текст, архитектурное сооружение, картина) принадлежит *настоящему*, наличествует в настоящем. Прошлое как *историческое* прошлое открывается там, где артефакты культуры начинают рассматриваться в качестве свидетельства событий, которые уже произошли. Такой способ рассмотрения текстов и артефактов настоящего является универсальным, но не является единственно возможным: «В мире нет ничего, что не могло быть рассмотрено таким образом, но также нет ничего, что можно рассматривать *только* таким образом» (курсив Оукшотта. – *И. Д.*). Если тот или иной артефакт используется утилитарно или является предметом эстетического созерцания, он не открывает специфического измерения истории, не открывает прошлое в качестве *исторического* прошлого. Важно отметить и другой момент: не существует таких артефактов культуры, которые были бы историческими источниками *par excellence*, могли бы интерпретироваться лишь *историческим* способом и допускали бы только специфически *историческую* реакцию субъекта. «Историчность» того или иного артефакта определяется не его «объективным» содержанием, но способом понимания и интерпретации.

Способы соотнесенности человека с прошлым

Понимание настоящего в качестве знака и свидетельства прошлого является необходимым, но не достаточным условием специфической деятельности историка.

Оукшотт рассматривает три различных способа интерпретации настоящего в качестве знака (свидетельства) прошлого. Они соответствуют трем базовым «реакциям» субъекта на события окружающего мира. Речь идет о практическом, научном и созерцательно-эстетическом способах соотнесенности с прошлым.

«Практический» способ понимания прошлого является, согласно Оукшотту, изначальным и универсальным. Этот способ «столь же стар, как и сам род человеческий» [14, с. 139]. Это «простейший и наименее изощренный способ понимания» [14, с. 139]. Все прошлые события оцениваются в зависимости от того, какое значение они имеют (могут иметь) для современности: «Практический человек проводит различия между событиями прошлого как садовник,

отличающий полезные растения от сорняков» [14, с. 141].

В рамках практического способа понимания «мы интерпретируем прошедшие события в отношении к себе и к нашей текущей деятельности» [14, с. 136]. Прошлое здесь прочитывается, интерпретируется, понимается *в перспективе настоящего*, в связи с теми или иными интересами, ценностями и целями субъекта. Практический способ интерпретации событий прошлого можно с полным правом назвать *презентистским*: прошлое здесь не просто описывается на языке настоящего, оно вообще исчезает как *прошлое*, утрачивает свою сущностную инаковость по отношению к настоящему [15]. Такое отношение к прошлому характерно для всякого субъекта практической деятельности: «Его интересуют и осознаются им только те события прошлого, которые он может связать со своей сегодняшней деятельностью. Он всматривается в прошлое для того, чтобы объяснить современность, оценить или сделать окружающий мир более пригодным для жизни и менее таинственным» [14, с. 141]. Наиболее ярко этот способ соотнесенности с прошлым проявляется в политической деятельности. История здесь – не более чем политика, обращенная в прошлое.

Практическому (социально ангажированному, «социально ориентированному» [12]) способу понимания и интерпретации прошлого противостоят научный и созерцательно-эстетический способы. «В научной реакции, – отмечает Оукшотт, – появляется прошлое, не связанное с нами, прошлое само по себе» [14, с. 137]. События прошлого при таком подходе истолковываются как примеры действия общих законов.

Описав научную установку в отношении к прошлому, Оукшотт, однако, сразу же замечает, что данная установка является чисто *гипотетической*, на практике она не может быть реализована. Специфически «научного» отношения к прошлому, строго говоря, быть не может, «поскольку мир, появляющийся в научной теории, – это мир без времени, мир не реальных событий, а гипотетических ситуаций» [14, с. 137]. Тем самым Оукшотт занимает весьма недвусмысленную позицию по вопросу о том, является ли история наукой, может ли историописание быть научным. Если под наукой понимается подведение единичных случаев под общие законы, то история наукой не является. Но, решительно отвергая сциентистские притязания историописания, Оукшотт, в то же время, последовательно отстаивает *автономный* характер деятельности историков, ее несводимость ни к политике, ни к морали, ни к искусству.

Созерцательно-эстетический способ осмысления прошлого характерен, например, для исторической романистики. Прошлое здесь предстает не в качестве совокупности фактов, но как «кладовая чистых образов» [14, с. 138]. Несмотря на противоположную направленность практической и созерцательной установок, у них имеется общая черта: игнорирование различий между прошлым и настоящим. «Когда предметы (корабль или лопата) “созерцаются”, мы пренебрегаем их практической пригодностью. Точно так же, когда “созерцается” то, что при другом отношении было бы осознано как событие “прошлого”, его принадлежность прошлому игнорируется» [14, с. 138].

Для созерцательной (эстетической) установки, строго говоря, не существует различий между событиями настоящего и событиями прошлого. «То, что мы созерцаем, – события не прошлого, а настоящего, которые, как мы считаем (в силу какого-то другого отношения к настоящему), произошли» [14, с. 138]. Созерцательное отношение к прошлому, как и отношение практическое, Оукшотт рассматривает в качестве изначального и универсального.

Историческое отношение к прошлому и задачи исторического познания

Практическое истолкование прошлого, согласно Оукшотту, представляет собой «исконную деятельность приспособления к окружающему нас миру путем включения *нашего* прошлого в *наше* настоящее» [14, с. 151] и не может быть отвергнуто как незаконное. «Практическое прошлое (включая моральные оценки прошлого поведения) – враг не человечества, а только “историка”» [14, с. 151]. Дело не в том, является ли допустимым практическое отношение к прошлому, а в том, возможно ли какое-то иное, непрактическое, *историческое*, отношение к прошлому? Оукшотт стремится обосновать положительный ответ на этот вопрос.

Рассмотрев практический, эстетический и научный способы соотнесенности человека с прошлым, Оукшотт делает вывод о том, что деятельность историка не укладывается в рамки трех перечисленных способов понимания и интерпретации прошлого. Историк понимает явления окружающего мира как свидетельства прошлых событий. Эта установка, однако, является общей для всех способов соотнесенности субъекта с историческим прошлым. Политик или романист также могут понимать явления настоящего в качестве свидетельств прошлых, произошедших событий, но деятельность политика и романиста *этим не исчерпывается*. Далеко не все виды утверждений о прошлом, которые делаются на основании практической и эстетической установок, являются приемлемыми для историка. Историк отличается от политика или романиста не тем, что он делает что-то эксклюзивное, а тем, что он *не делает* того, что делают политик или романист. Деятельность историка основывается на признании принципиальных различий между прошлым и настоящим, на презумпции несводимости прошлого к настоящему. Деятельности историка, таким образом, изначально присуща *антипрезентистская* направленность.

Историк, в отличие от практически ориентированного субъекта (политика или моралиста), не связывает факты прошлого с событиями и ситуациями настоящего. Отношение историка к прошлому не является *практическим* отношением, им движет не практический, но сугубо *исторический* интерес. Такая трактовка историописания делает крайне затруднительным или даже вовсе невозможным историческое исследование событий недавнего прошлого. «Легче созерцать объект, чья бесполезность и неприменимость к текущим делам позволяет его изолировать <...>. Точно так же легче (при прочих равных условиях) вычленив “историю” из прошлого, которое безусловно не вызывает неисторического отношения» [14, с. 148]. Здесь следует

заметить, что степень «практической» заинтересованности субъекта в том или ином историческом событии далеко не всегда связана с временной близостью/удаленностью этого события. В силу разных причин события недавнего прошлого могут вызывать меньший практический (политический, моральный) интерес, нежели более ранние события.

Описание деятельности историка и исторического отношения к прошлому у Оукшотта носит по преимуществу *апофатический* характер, то есть речь идет, главным образом, не о том, чем историописание является, но о том, чем оно *не является*. Основное внимание он уделяет размежеванию между историческим и практическим способами понимания прошлого. Это связано с тем обстоятельством, что именно практическое отношение к прошлому Оукшотт полагает в качестве первичного. О первичности практической установки можно говорить как минимум в двух смыслах: *концептуальном* и *лингвистическом*. О концептуальной первичности можно говорить потому, что задолго до того, как стать предметом историописания, прошлое уже является «кладовой» опыта и примеров, пригодных для практического использования в настоящем. Практическая соотнесенность с прошлым является первичной также и в лингвистическом отношении: «Прошлое предстает перед нами, в первую очередь, на языке практики, а на язык “истории” его еще нужно перевести» [14, с. 147].

Вывод, к которому приходит Оукшотт, заключается в том, что установка, которой руководствуется историк в своем отношении к прошлому, вовсе не является чем-то *естественным* для человека: «Историческое познание – не некий дар, внезапно обретенный человеком, а достижение» [14, с. 146]. Историческое отношение к прошлому становится возможным благодаря преодолению «естественной склонности» рассматривать события прошлого, исходя из практических потребностей и интересов настоящего, и видеть в исторических деятелях наших «предшественников».

Оукшотт полагает, что историк должен освободиться от практического интереса к прошлому. Трудность преодоления практической установки связана с тем обстоятельством, что «прошлое является настолько важной частью практической деятельности, что освободиться от <...> практического отношения к нему чрезвычайно трудно – гораздо труднее, чем избавиться от рассмотрения окружающего мира только в отношении к нашим сегодняшним желаниям и заботам» [14, с. 143].

Оукшотт обращает внимание на тот факт, что освобождение историка от «практической установки» и возникновение исторического отношения к прошлому происходит одновременно со становлением новоявленной европейской науки, экспериментального естествознания: «В современной Европе “научное” отношение к миру и “историческое” отношение к прошлому возникают одновременно и взаимно влияют друг на друга. Выделение “научного” и “исторического” познания было достигнуто в процессе освобождения от древнего и едва ли не единственного когда-то практического отношения человечества к своему окружению» [14, с. 143]. Однако параллелизм между становлением исторического познания и научной революцией нового времени не следует рассматривать как сви-

детельство возможности «научного» историописания. Научное отношение к прошлому не следует отождествлять с *историческим* отношением, а все попытки сциентизации историописания, неоднократно предпринимавшиеся в философско-методологической литературе XIX–XX вв., заранее обречены на неудачу.

Стремление обосновать научный статус историописания приводит к созданию глобальных схем всемирной истории (гегелевской, марксистской), которые рассматриваются Оукшоттом в качестве «рецидива практического отношения к прошлому» [14, с. 144].

Задача исторического познания, согласно Оукшотту, не может заключаться в выявлении *истоков* (начал) тех или иных событий: «Исследовать “истоки” значит читать прошлое назад и, таким образом, включать его в последующие события или в события настоящего» [14, с. 147]. Исток события всегда выявляют ради того, чтобы лучше понять существующее положение дел, таким образом, установка на выявление истоков исторических событий и явлений является неотъемлемым компонентом практического отношения к прошлому. Выявление истоков исторических событий как стратегия историописания основывается на телеологическом истолковании истории, а последнее, в свою очередь, есть вторжение практического отношения в историческое исследование [14, с. 147].

Историк, в отличие от практически ориентированного субъекта, не стремится связать события прошлого с контекстом современности, с сегодняшней деятельностью, его отношение к прошлому не является практическим отношением, он обращается к прошлому не для того, чтобы сделать окружающий мир более понятным и более пригодным для жизни. Задачу историка Оукшотт усматривает в «ослаблении всех связей между прошлым и “практическим” настоящим» [14, с. 151]. Историк преодолевает присущую различным сферам человеческой деятельности естественную «прагматизацию» исторического познания и историописания. Трудность такого преодоления обусловлена не только тем, что «язык практики налагает свой отпечаток на все исследования прошлого» [14, с. 151], но и тем, что «мы живем в таком интеллектуальном мире, который, в силу своей пагубной привычки к “практике”, является особенно враждебным “истории”» [14, с. 151].

В чем же заключается *позитивная* задача историка? Какого рода утверждения высказывает он о прошлом? Какова специфика того типа утверждений о прошлом, который характерен именно для исторических сочинений? Оукшотт описывает деятельность историка следующим образом: «Его деятельность состоит не в распутывании всеобщих причин или необходимых и достаточных условий, а в предъявлении нам цепочки событий (в той мере, в которой они могут быть обновлены), которая является связующим звеном от одного обстоятельства к другому» [14, с. 144]. Историк не может знать необходимые и достаточные причины того или иного исторического явления и не должен стремиться к их выявлению. Историческое событие должно восприниматься историком не как случайность и/или необходимость в цепи причинно-следственных связей, но как «понятное сочетание человеческих поступков и решений» [14, с. 144].

Место философско-исторической концепции Оукшотта в неклассической философии истории XX века

События, относящиеся к историческому прошлому (или, точнее, события, какими они предстают в свете специфически исторической установки сознания), «не имеют единого образца и замысла, никуда не ведут, не указывают на предпочитаемое строение мира и не служат основанием для практических выводов» [14, с. 152]. Историческое прошлое, в отличие от прошлого практического интереса, «существует вне морали, политического устройства или социальной структуры» [14, с. 142]. В этой связи все высказывания о прошлом, проистекающие из практической или созерцательно-эстетической установки, с точки зрения историка, должны рассматриваться не как ложные, но как *неисторические*.

Историк в процессе работы с историческими источниками не имеет дела с отдельными событиями, он выстраивает и открывает *событийные ряды*. При этом связь между событиями прошлого не является причинно-следственной, это связь *смысловая*. Историческое событие должно рассматриваться историком «не как “случайность”, “чудо” или “необходимость”, а просто как понятное происшествие» [14, с. 144]. Такая трактовка историописания сближает концепцию Оукшотта с нарративной философией истории, в частности, с исторической эпистемологией Поля Вена, в которой задача историка усматривается в выстраивании событийных рядов на основании того или иного произвольно выбранного «сюжета» [7].

Поскольку практическое отношение к прошлому является первичным, а язык, с помощью которого историческое событие фиксируется в письменном источнике, также по большей части является языком практики, постольку задача историка «заключается в том, чтобы создать перевод и понять поведение людей и события прошлого так, как они никогда не понимались в свое время» [14, с. 150]. Историк должен «перевести действия и события с их практического языка на исторический язык» [14, с. 150]. Такая трактовка историописания является необычной для современной неклассической философии истории, которая усматривает приоритетную задачу историка в том, чтобы осуществлять перевод источника с языка прошлого на язык настоящего [9].

Различие между «практическим» и «историческим» способами понимания исторических событий Оукшотт проясняет посредством метафоры «живого» и «мертвого» прошлого: «Мир желает только учиться у прошлого и конструирует “живое прошлое”, которое с кажущейся убедительностью повторяет выражения, вложенные в его уста. Однако для “историка” это является образцом грубой некромантии, ибо обожаемое им прошлое мертво. Мир же не испытывает ни любви, ни уважения к тому, что умерло, желая лишь вновь вызвать его к жизни» [14, с. 151]. Если прошлое, с которым имеет дело политик или моралист, есть прошлое *живое* (и всякий раз заново *оживляемое*, обновляемое в практической деятельности), то прошлое, которое изучает историк, есть *мертвое* прошлое. Историописание не дает «ни эстетического наслаждения, ни “научного” осознания, ни практического понимания» [14, с. 152], оно есть *мечта*, мечта особого рода. В такой трактовке наиболее зримо проявляется идея автономии историописания.

Какое место занимает предложенная Оукшоттом трактовка исторического прошлого и историописания в контексте неклассической философии истории XX в.?

В статье «Философия истории» [20, с. 201–208] Оукшотт проводит различие между двумя типами философско-исторической рефлексии. Под «философией истории», во-первых, может пониматься теория всемирной истории. В английской философской и исторической мысли такой способ осмысления истории характерен, прежде всего, для работ Арнольда Тойнби. Во-вторых, под «философией истории» может пониматься теория историописания и методология исторического познания. Именно такая трактовка философии истории получила наибольшее распространение в англоязычной философии XX в.

Философско-историческую концепцию Оукшотта нельзя однозначно отнести ни к теории исторического процесса классического типа, ни к методологии исторического познания. С одной стороны, Оукшотт разделяет свойственную большинству неклассических концепций (структурализм, постструктурализм, аналитическая философия истории, неопрагматизм) конструктивистскую установку в отношении исторического прошлого, согласно которой предмет историописания не предшествует познавательной деятельности историка, но конструируется в процессе самой этой деятельности. С другой стороны, Оукшотт стремится избежать презентистского и «прагматического» истолкования прошлого и обосновать возможность историописания как автономной деятельности, несводимой ни к социальным практикам, ни к эстетическому созерцанию. Историописание есть особый вид опыта, существующий наряду с опытом «практическим» (этическим и политическим), научным и эстетическим.

Предложенную Оукшоттом трактовку историописания как специфического опыта и автономного вида деятельности можно сопоставить с другими трактовками исторического опыта. Одним из первых, кто обратил внимание на феномен исторического опыта в философии XX в., был Р.Дж. Коллингвуд. «Для историка действия, историей которых он занимается, – не зрелища, данные наблюдению, но живой опыт, который он должен пережить в собственном уме» [11, с. 208]. Учитывая многозначность понятия «опыт», необходимо уточнить, что в данном случае речь идет не о непосредственном чувственном восприятии (таковое применительно к прошлому невозможно), но о такой форме освоения действительности, при которой теория неотделима от практики, а познание – от деятельности [8, с. 3–6].

В современной философии истории и теории историописания наибольшее внимание категории исторического опыта уделяется в работах Франка Анкерсмита [1; 2]. Общим знаменателем самых различных неклассических теорий истории, согласно Анкерсми-ту, выступает тезис о том, что соотнесенность субъекта с прошлым всегда опосредована историческими текстами, нарративами. Этот тезис выражает суть методологической установки, которую Анкерсмит обо-

значает как «лингвистический трансцендентализм» [4, с. 392]. Отрицая «универсальное посредничество» языка, нарратива, метода, традиции и обосновывая *непосредственный* характер исторического опыта, Анкерсмит признает в качестве его единственного трансцендентального условия *личность* самого историка, интерпретирующего тексты (исторические источники) [6, с. 101].

Анкерсмит стремится разработать такую концепцию исторического опыта, которая бы заведомо исключала возможность «освоения» и «присвоения» прошлого субъектом историописания. С этой целью он обращается к *феномену ностальгии* и интерпретирует «возвышенный» исторический опыт как *опыт ностальгии, ностальгический опыт* [5].

Трактовка исторического опыта у Анкерсмита имеет отчетливо выраженную антипрезентистскую направленность. Прошлое, данное нам в ностальгическом опыте, есть прошлое, *недостижимое* для нас (в том смысле, что его невозможно «использовать» для нужд настоящего, представить в качестве «ресурса» действующего и преследующего свои цели субъекта). Анкерсмит интерпретирует ностальгический опыт как подлинный, аутентичный опыт прошлого. Такая интерпретация основывается на идее о том, что язык или исторический нарратив *сам по себе* является преградой и «заслоняет» доступ к аутентичному прошлому. Нарративное присвоение и освоение прошлого неизбежно искажает аутентичный исторический опыт.

Принципиально иная трактовка исторического опыта дается в работах В.Н. Сырова [16; 18]. Исторический опыт, согласно Сырову, не открывает прошлое в качестве предмета историописания, прошлое – это и есть не что иное, как исторический опыт. Структура повседневного опыта отождествляется у Сырова со структурой *истории как таковой*: опыт, также как и история, характеризуется качествами *индивидуальности, завершенности и событийности*. Поскольку имеющийся у нас опыт представляет собой не что иное, как удерживаемое в памяти *завершенное событие*, постольку становится принципиально возможным его *нарративное описание*.

Нарратив не является чем-то случайным и «факкультативным» по отношению к опыту (истории). Нарративное знание об историческом прошлом в контексте такой трактовки оказывается неотделимым от самого опыта, оно обнаруживает себя в качестве неотъемлемой части опыта. Мы *обращаемся* к прошлому с целью *воспользоваться опытом*, который оно в себе несет и которым оно, в сущности, *является*. Прошлое *конституируется* как «наш опыт» только тогда, когда мы *знаем* о нем. Нарратив же является универсальной формой знания об историческом прошлом. Историческое познание в форме нарративного историописания конституирует прошлое в качестве «накопленного опыта» какой-либо деятельности. Историческое познание высвечивает, обнаруживает прошлое как опыт. Опыт не предшествует историческому познанию и знанию, но сам является формой знания: «Приобрести опыт значит приобрести некоторый вид знания» [17, с. 196].

История (историческое прошлое) в концепции В.Н. Сырова представляет собой всякий раз уже имеющийся в распоряжении субъекта опыт той или

иной деятельности, однако, это изначально присущее истории *свойство «быть опытом»* обнаруживается *не иначе, как в нарративе*, в рассказе о прошлом. Опыт понимается здесь не столько как переживание, сколько как *вид знания*, а отношение, изначально связывающее человека и прошлое, мыслится как отношение *практической заинтересованности*. История есть накопленный и находящийся в распоряжении субъекта опыт какой-либо деятельности. Таким образом, историописание (создание исторических нарративов) в концепции Сырова предстает не в качестве автономной сферы, но в качестве придатка практической деятельности. Анкерсмит же, напротив, стремится избежать «прагматизации» историописания и потому рассматривает исторический опыт как эстетический феномен, описывает его в эстетических категориях. Таковы две крайних трактовки исторического опыта и историописания в современной неклассической философии истории. В этой связи позиция Оукшотта может рассматриваться в качестве продуктивной альтернативы как прагматической, так и эстетической интерпретациям исторического опыта.

Предложенная Оукшоттом трактовка историописания сталкивается с определенными трудностями. Отметим лишь две из них.

Оукшотт исходит из того, что события прошлого должны интересовать историка сами по себе, вне их соотнесенности с последующими событиями и с современным контекстом. Однако выделение того или иного событийного ряда («история Пунических войн», «история Французской революции», «история костюма» и т.д.) предполагает, во-первых, завершенность событий и знание историком финала, а во-вторых, наличие у историка достаточных оснований для отделения одного событийного ряда от другого. В классической историософии таким основанием, позволявшим выделять, описывать и сопоставлять различные событийные ряды, была теория всемирной истории, представленная глобальными схемами всемирно-исторического развития. В неклассической лингвистически ориентированной философии истории XX века таким основанием стала способность историка выбирать сюжет и выстраивать исторические события вокруг произвольно выбранного сюжета. При этом отправной точкой для выбора сюжета выступает *контекст современности*, а определяющим методологическим принципом становится *презентизм*. Оукшотт, с одной стороны, отвергает метафизические построения классической философии истории, с другой стороны, стремится избежать прагматизации историописания, присвоения прошлого настоящим. Историк в своей деятельности должен отделять существенное от несущественного, однако вопрос о том, на что может опереться историк в выстраивании событийных рядов, в концепции Оукшотта остается непроясненным. Если «место события не определяется его отношением к последующим событиям» [14, с. 142], тогда на каком основании мы можем судить о значении исторического события в контексте той или иной «истории»?

Вторая трудность, с которой сталкивается рассматриваемая концепция, связана с метафорой «живого» и «мертвого» прошлого. Оукшотт полагает, что прошлое может быть предметом специфически исто-

рического интереса лишь в том случае, если это прошлое «мертвое». Всякая попытка историка «оживить» прошлое приводит к *прагматизации* (политизации, идеологизации, морализации) или *эстетизации* событий прошлого, в результате чего историческое отношение к прошлому подменяется практическим или эстетическим. «Живым» прошлое делается благодаря своей связи с настоящим, с актуальным бытием субъекта. Эта связь с настоящим может быть осмыслена в терминах традиции, исторической памяти или исторического опыта. Однако во всех случаях именно соотносительность прошлого с актуальным бытием социального субъекта является источником понятности и осмысленности исторических событий. Оукшотт усматривает задачу историка в том, чтобы показать радикальную инаковость прошлого, его несводимость к настоящему, но для этого прошлое все же должно быть соотносено с настоящим, иначе непонятными и непроясненными остаются не только *основания* деятельности историка, но и *мотивы* нашего обращения к прошлому.

Подведем итог. Майкл Оукшотт разработал оригинальную трактовку историописания как формы опыта, несводимой ни к практической деятельности, ни к эстетическому созерцанию. Описание деятельности историка у Оукшотта носит по преимуществу *анофатический* характер, то есть речь идет, главным образом, о том, чем историописание не является, а не о том, чем оно является и должно быть. Историческое познание становится возможным благодаря освобождению человека от практического отношения к прошлому, которое и в хронологическом и в экзистенциальном отношении является первичным. Предложенная Оукшоттом трактовка деятельности историка сталкивается с целым рядом трудностей, преодоление которых позволило бы существенно обогатить современную неклассическую философию истории и теорию историописания.

Литература

1. Анкерсмит, Ф.-Р. Возвышенный исторический опыт / Ф.-Р. Анкерсмит. – Москва, 2007.
2. Анкерсмит, Ф.-Р. История и тропология: взлет и падение метафоры / Ф.-Р. Анкерсмит. – Москва, 2003.
3. Вен, П. Как пишут историю. Опыт эпистемологии / П. Вен. – Москва, 2003.
4. Дёмин, И.В. Сравнительный анализ трактовок исторического опыта у Ф. Анкерсмита и Г.-Г. Гадамера / И.В. Дёмин // Философия и культура. – 2014. – № 3. – С. 391–400.

5. Дёмин, И.В. Феномен ностальгии в горизонте постметафизической философии истории / И.В. Дёмин // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Философия. Филология. – 2012. – № 1. – С. 16–25.

6. Дёмин, И.В. Философия истории в постметафизическом контексте / И.В. Дёмин. – Самара, 2015.

7. Дёмин, И.В. Осмысление истории как целостности в горизонте классической и неклассической философии / И.В. Дёмин // Философская мысль. – 2016. – № 2. – С. 47–90.

8. Дёмин, И.В. Проблема соотношения исторического опыта и исторического нарратива в постметафизической философии истории / И.В. Дёмин // Клио. – 2014. – № 8 (92). – С. 3–6.

9. Дёмин, И.В. Семиотический подход к истории: между презентизмом и антикваризмом / И.В. Дёмин // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. – 2015. – № 4 (232). – С. 48–54.

10. Запускалов, А.М. Консерватизм Майкла Оукшотта в современных зарубежных исследованиях / А.М. Запускалов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 6 (44). – Ч. II. – С. 78–81.

11. Коллингвуд, Р.Дж. Идея истории: Автобиография / Р.Дж. Коллингвуд. – Москва, 1980.

12. Маловичко, С.И. История как строгая наука vs социально ориентированное историописание / С.И. Маловичко, М.Ф. Румянцева. – Орехово-Зуево, 2013.

13. Николаев, Б.В. Теория исторического познания М.Дж. Оукшотта / Б.В. Николаев. – Пенза, 2010.

14. Оукшотт, М. Деятельность историка / М. Оукшотт // Оукшотт М. Рациональность в политике и другие статьи. – Москва, 2002. – С. 128–153.

15. Савельева, И.М. О пользе и вреде презентизма в историографии / И.М. Савельева, А.В. Полетаев // «Цепь времен»: Проблемы исторического сознания. – Москва, 2005. – С. 63–88.

16. Сыров, В.Н. В каком историческом сознании мы нуждаемся: к методологии подхода и практике использования / В.Н. Сыров // Вестник Томского государственного университета. История. – 2013. – № 1 (21). – С. 183–190.

17. Сыров, В.Н. Введение в философию истории: Своеобразие исторической мысли / В.Н. Сыров. – Москва, 2006.

18. Сыров, В.Н. Обречены ли исторические нарративы быть мифами? / В.Н. Сыров // Век памяти, память века: Опыт обращения с прошлым в XX столетии. – Челябинск, 2004. – С. 85–99.

19. Oakeshott, M. Experience and Its Modes / M. Oakeshott. – Cambridge, 1933.

20. Oakeshott, M. What is History? And other Essays / M. Oakeshott. – Imprint Academic, 2004.

21. White, H. The Practical Past / H. White // *Historein*. – 2010. – V. 10. – P. 10–19.

I.V. Demin

PRACTICAL AND HISTORICAL METHODS OF PERSON RELATEDNESS WITH PAST IN MICHAEL OAKSHOTT'S PHILOSOPHICAL CONCEPTION

The paper analyses the philosophical and historical conception by Michael Oakeshott. The question of the relationship between historical, practical, contemplative and aesthetic, and scientific ways of understanding the past is explored. Special attention is paid to clarifying the place of Oakeshott's conception in the context of non-classical philosophy of history and theory of historiography in the 20th century. Oakeshott's view can be considered as a productive alternative to the pragmatic and aesthetic interpretations of historical experience and historical writing. Some contradictions in the interpretation of historiography and historical knowledge proposed by Oakeshott are identified. It is shown that in Oakeshott's works the historian's activity and historical relations to the past are mainly apophatic in nature. The novelty of this interpretation of history writing in Oakeshott's conception is that history is regarded as a special form of experience, which cannot be reduced neither to practical action nor to aesthetic contemplation.

History, historiography, historical experience, historical cognition, methodology of history, philosophy of history, Michael Oakeshott.